

ТАЙНЫЕ
СТРАЖИ

Романы
Галины Полынской

Галина Полынская

ЭЛИКСИР ДЛЯ ВАМПИРА

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П53

Оформление обложки *А. Соловьева*

Полынская, Галина.

П53 Эликсир для вампира / Галина Полынская. —
Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Тайные стражи.
Романы Галины Полынской).

ISBN 978-5-04-094761-4

Урожденный испанский дворянин Феликс многое успел повидать за свою очень долгую вампирскую жизнь. Но лишь одна несбыточная мечта оставалась для него недоступной: увидеть солнце и не умереть, не сгореть в его лучах. Увидеть и остаться в живых. Представители загадочной фирмы предложили необычный эликсир, способный видоизменить вампирскую сущность Феликса. Цена вопроса — собрать и объединить под своим началом людей со сверхспособностями и с их помощью сделать мир лучше. Так появилось детективное агентство «Тайные стражи».

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полынская Г., 2018

© Оформление. ООО

«Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094761-4

Глава 1

— **Ч**то с тобой происходит, Феликс? — мягко, тягуче прозвучал голос Дааны, словно в тишину комнаты пролился мед.

Девушка лет двадцати пяти, в длинном платье цвета сапфира сидела в кресле, покачивая в пальцах бокал белого вина. Ее глаза диковинного разреза, в этот час не спрятанные под дымчатыми очками, не прикрытые серыми линзами, сверкали, переливаясь зеленью и золотом во всей своей пугающей красоте.

— Что со мной может происходить? Со мной все уже давно произошло.

Скрестив руки на груди, Феликс стоял у окна и смотрел на улицу с высоты седьмого этажа. Прохладную синеву летнего вечера подсвечивали мелькающие автомобильные огни, подогревали оранжевые апельсины фонарей в скверике, раскрашивала щедрая иллюминация ресторана «Империял». Отблески всей этой разноцветной россыпи вспыхивали, гасли, снова вспыхивали на чеканно четком профиле мужчины, на жестких черных волосах, скрепленных на затылке в хвост золотым зажимом.

— Ты будто окаменел в последнее время.

Так и не притронувшись к вину, Даана при-
встала, чтобы поставить бокал. На столе ниче-
го не было, кроме бутылки и пятиглавого под-
свечника с горящими свечами. И она, и Феликс
одинаково не любили электричества. В полумра-
ке растворялись стены и мебель, словно у этого
пространства вовсе не было границ, лишь изред-
ка глубокий сумеречный покой нарушали сколь-
зящие световые вспышки, похожие на отсвет
фар проезжающих машин.

— А разве я когда-то отличался живостью ха-
рактера и веселым нравом? — голос мужчины зву-
чал равнодушно, монотонно как осенний дождь.

— Не хочешь — не говори.

Даана встала и прошла по комнате. Сапфи-
ровый подол заструился спокойным потоком по-
темневшей вечерней воды, босые ноги ступали
так бесшумно и легко, словно девушка вовсе не
касалась пола.

— Окаменел... — на бледных губах Феликса
возникло подобие улыбки. — Куда еще-то каме-
неть в моей ситуации.

— Значит, есть куда.

Даана подошла к смутно виднеющемуся в сум-
раке книжному стеллажу и погладила изящными
длинными пальцами старинные корешки с ту-
склыми надписями. Они всегда прекрасно успо-
каивали, эти все понимающие книжные спин-
ки. В доме Дааны, с постоянно меняющимся ко-
личеством комнат и направлениями коридоров,
имелось не так уж много вещей и предметов, но

и они часто менялись. Феликс никогда не интересовался, к чему изменяется пространство, куда уходят старые и откуда берутся новые вещи.

Мужчина наблюдал за отражением девушки в оконном стекле: горделивая осанка, точеный профиль, шея чуть длиннее, чем бывает у людей, — Даана казалась ожившей древнеегипетской фреской. Его собственное отражение не мешало рассматривать картину — Феликс не отражался.

— Знаешь, еще немного, и я подумаю, что ты переживаешь, — произнес он.

— Что тут удивительного? Если я до сих пор рядом с тобой, видимо, ты мне не безразличен, верно?

Даана отошла от стеллажа и снова прошла по комнате. Платье колыхнулось темной водой и будто пролилось куда-то под пол. Обернувшись, Феликс посмотрел на нее долгим темным взглядом, будто впервые рассматривал это легкое, безусловно скроенное создание с лицом прекрасно выверенной лепки. Чистый лоб, тонкий нос, мягко очерченные губы, изящный подбородок, высокие скулы и шелк золотисто-смуглой кожи необычного оттенка, словно девушка загорала под каким-то неведомым солнцем. И рыжие кудри, блестящими медными стружками струящиеся ниже лопаток.

Глядя на нее, Феликс думал о чересчур большой разнице между домашней Дааной и Дааной, притворяющейся человеком. Среди людей, скрывая чересчур яркие волосы под шарфами,

а странный цвет глаз под невзрачными серыми линзами и черными очками в пол-лица, она была понятной и предсказуемой. Когда же не было необходимости скрываться от излишне любопытных глаз, девушка все время становилась разной, будто незримо перемещалась, перетекала из одного состояния в другое.

Она ждала.

— Я разговариваю с крысами, — медленно проговорил Феликс. — Просиживаю ночи в сквере у твоего дома и беседую с крысами. И есть у меня один особенно задушевный собеседник. Здоровенная такая коричневая толстая крысища. Мы так давно сблизились, что я и не помню, когда и как это произошло...

— Погоди. Его, случаем, не Дон Вито зовут?

— Именно. — Феликс приподнял одну бровь. — Вы знакомы?

— Еще как, — усмехнулась Даана. — И тоже много лет, и так же не помню, откуда он взялся. Только Дон Вито утверждал, что я его единственная... м-м-м... человеческая компания, и он очень дорожит нашим общением.

— Мне он говорил ровно то же самое. Еще у меня в компании есть ворона, вернее — ворон, зовется Паблито. Он тоже ест с двух столов, или его ты не знаешь?

— Нет, не знаю, — девушка качнула головой, отчего по рыжим спиральям волос промелькнули золотистые искры. — Расскажи о нем.

— Особо нечего рассказывать. Крупная черная птица, довольно сварливая, назойливая, по-

рой абсолютно невыносимая. Паблито прилетает каждую ночь около одиннадцати, стучит в окно и напоминает, что пора на станцию за кровью. Я одеваюсь, и мы идем. Вместе, за компанию. Вот такая у меня компания, понимаешь ли.

Феликс замолчал. Молчала и Даана. Зрачки золотисто-зеленых глаз сужались и расширялись с бесстрастностью метронома. Лишь на ярком свете можно было заметить, что они не черные, а темно-фиолетовые.

Отвернувшись, Феликс снова уставился в окно, словно там появилось нечто новое и, безусловно, интересное. Темно-серый костюм, как всегда, идеально сидел на мужчине, настолько безукоризненно, словно это была скульптура, манекен, но никак не живой человек.

— Не умею жаловаться, Даана, прости, — глухо проговорил он.

— Может, сядешь наконец? А то все время кажется, что ты сейчас уйдешь, не успев толком прийти.

— Хорошо.

Феликс отошел от окна и присел в кресло за стол. Оплывающий воск свечей капал на голую деревянную крышку, выстраивая затейливые пирамидки. Даана подошла ближе, встала за спиной мужчины, разглядывая иссиня-черные с редкими серебристыми нитками волосы. Хотела коснуться этих жестких на вид прядей, но не решилась. Обойдя стол, девушка села в кресло напротив и взяла бокал.

— Это скупа, Феликс, да?

— Можно и так назвать.

— А как на самом деле? Что ты чувствуешь?

— Что я чувствую? — На бледных губах возникла тонкая, как лезвие, улыбка. — Что я могу чувствовать?..

В теплом свете свечей благородные, портретные черты лица Феликса казались почти живыми, без сырой мраморной белизны, уродующей, превращающей лицо в посмертную маску.

— Если ты смог откровенничать с воронами и крысами, почему бы тебе хоть раз не поговорить со мной? Я же не умею читать мысли, откуда мне знать, как сильно ты страдаешь!

Феликс поднял на нее тяжелый взгляд непроницаемо черных глаз. Неподвижная мертвая чернота статуи из обсидиана.

— Дон Вито тебе все разболтал?

— Он не говорил конкретно о тебе. — Даана поставила бокал обратно на стол. — Разговор шел чисто гипотетический. И не разболтал, а просто советовался. Он почему-то считает меня ведьмой, а у меня нет надобности что-то объяснять крысе. Теперь понятно, что Вито за тебя переживал.

— Очень рад, что за меня переживает крыса. — Феликс подставил указательный палец под капающий воск.

Даана резко встала и пошла к окну. Открыв его, девушка глубоко вдохнула запах подступающей ночи, деревьев, травы, земли — их все же не мог заглушить даже вечно шумный, закованный в бетон и асфальт мегаполис.

— Мы почти две сотни лет знакомы, — произнесла она. — Сколько еще требуется времени?

Сняв остывший воск с руки, Феликс поднялся и направился к выходу из комнаты.

— Пора мне, Даана. Сегодня кровь еще забрать надо...

— Стой! — Выкрик прозвучал настолько странной звуковой гаммой, что Феликс замер в дверном проеме. — Кем ты меня видишь? Кем?!

Феликс обернулся. Смуглокожее существо с пылающими гневом золотыми глазами парило над полом, проливаясь вниз сапфировой синевой.

— Что ты хочешь, Даана? Чтобы я попросил о помощи? Но тут невозможно помочь. Никто, никак и никогда не сможет этого сделать. Чтобы я откровенничал и жаловался? Так жаловаться не умею, а откровенничать у меня правда лучше всего получается с крысами. Ты другая, Даана. Ты не можешь знать, что чувствую я, а мне никогда не понять, что чувствуешь ты. Мы с тобой из разных вселенных, как бы ни пошло это звучало. Мне пора, отпусти меня.

Мужчина отвернулся, собираясь уходить. Но тут словно жаркий ветер ударил в спину, и Даана очутилась рядом. Коснувшись ткани пиджака на его груди, она тихо произнесла, почти прошептала:

— А если можно? Можно помочь? Нет выхода в твоей вселенной, а вдруг в моей найдется путь?

Феликс молчал. Он словно растворился в темноте, бесшумно распавшись хлопьями сгорев-

шей бумаги, и, если бы не ткань пиджака, Даана потеряла бы его.

— Я хочу помочь тебе, быть может, и смогу... Но мне надо знать, чего ты хочешь, что тебя мучает, — всю твою историю с самого начала. Я не настолько ночное существо, как ты, мне сложно находиться в полной темноте. Помоги мне, хоть немного помоги.

— Дон Вито в курсе, все расскажет, — невесело усмехнулся Феликс. — Добавить нечего.

Он поднял руку — в темноте его кожа источала тусклое лунное свечение, — слегка сжал обжигающие женские пальцы и шагнул сквозь запертую дверь.

Глава 2

Стемнело, и ночь упала на город тяжелым душным покрывалом. Стояла безветренная тишина, какая обычно бывает перед дождем. Феликс шел через сквер и продолжал ощущать на себе взгляд Дааны так, если бы она стояла у окна и пристально смотрела ему в спину. «Кажется, я задержался в этом городе, — подумал он. — Чересчур задержался...»

Перейдя через дорогу, мужчина обогнул здание ночного клуба-ресторана «Империял» и направился в глубь дворов. Погруженный в свои мысли, Феликс не захотел обращать внимание на грузную фигуру, стоявшую у неприметной двери с торца клуба. Но фигура все равно окликнула его:

— Уважаемый! Что мимо проходим, к нам не заглядываем?

Феликс нехотя замедлил шаг.

— Привет, Айдын. Сегодня не загляну.

— А что так? — Фигура шагнула из темноты, и фонари высветили лысый череп с близко посаженными глазами и сломанным носом. Невысокое коренастое тело было втиснуто в черный костюм, в котором оно явно ощущало себя скованно и некомфортно.

Феликс остановился, и Айдын подошел ближе.

— Времени нет, да и настроения.

— А кто испортил? Феликс, ты только скажи, мигом все поправим.

Свет фонаря, как нарочно, светил охраннику не столько в лицо, сколько в шею. Похожую на обрубленный, кое-как отшлифованный пень шею. С парой крупных, толчками пульсирующих вен.

— Так в чем проблема, Феликс? Кто настроение испортил? Да ты зайди хоть на минутку, если играть не хочешь, так посиди. Папа Гога на месте сегодня. Выпивка, как всегда, бесплатно.

Феликс смотрел на пульсацию вен таким долгим замороженным взглядом, будто в жизни ничего не видал интереснее.

— ...и настроение поправится! — как сквозь вату, доносился голос охранника.

Феликс тряхнул головой, словно отгоняя навязание, и отвел взгляд.

— Ты же знаешь, я не пью. Для игры нужен настрой. А его нет. Просто нет настроения.

— Ладно, раз так, — пожал плечами охранник. — В другой раз тогда заходи. У нас всегда для тебя открыто.

— Хорошо. Папе Гоге привет.

И Феликс пошел прочь, ускоряя шаг.

Когда после запрета игровых заведений в подвале ресторана «Империал» появилось казино, Феликс изредка стал захаживать туда, коротая бесконечно долгие ночи за игрой или разговорами с хозяином, которого все звали не иначе как Папа Гога. Шумный, многословный толстяк в неизменно мятых костюмах, с масляными прядями длинных волос вокруг обширной лысины, собранными в кудрявый жидкий хвостик, он неожиданно оказался достаточно неплохим собеседником. Они могли часами сидеть за персональным столиком Папы Гоги, смотреть шоу-программу и наблюдать за посетителями и игроками.

Но в этот вечер никаких шоу-программ и разговоров не хотелось. Коротким путем через дворы мужчина вышел к проспекту, где по ту сторону вечно шумящей машинами дороги возвышалась башня сталинской высотки. В этом доме последние пятьдесят лет проживал Феликс.

Не успел он поднести ключ к домофону, как дверь услужливо открыл охранник Алексей. Невысокий, пожилой, сухощавый, с выправкой военного в отставке, он поприветствовал жильца и сообщил, что в холле его ожидает посетитель.

— Что за посетитель? — В голосе Феликса прозвучала почти досада, настолько ему не хотелось сейчас никого видеть.

— Друг ваш, Владимир Сергеевич. Сказал, у вас сегодня встреча назначена.

— Ах да, верно. Спасибо.

В мраморном холле, сообщаемся с лифтовой, в кресле у журнального столика читал газету хорошо одетый мужчина лет пятидесяти с приятным спокойным лицом и полностью седыми волосами. На коленях у него лежала кожаная папка-портфель. Увидев Феликса, он отложил на столик газету, взял портфель и поднялся ему навстречу.

Мужчины поприветствовали друг друга, пожали руки и вместе направились к лифтам.

— Извини, что заставил ждать, — сказал Феликс.

— Ничего, сию-то всего минут пятнадцать. Как дела, как здоровье?

— Все хорошо, жить можно. Как сам? — Феликс собрался нажать на кнопку вызова лифта, но вспомнил, что недавно кабину меняли, теперь она вся была зеркальной. — Пешком поднимемся? Все равно невысоко. Стараюсь добавлять себе физической нагрузки, а то мегаполис быстро превратит в развалину.

— Отличная идея, идем.

И они пошли по лестнице на двенадцатый этаж.

Этажа до шестого Владимир вполне бодро рассказывал, «как он сам», затем пошли трудности, а с десятого по двенадцатый пришлось подниматься молча, лишь тяжело дыша.

— Сдаешь, Володя, сдаешь, — усмехнулся Феликс, заходя на лестничную площадку и направ-